

ПЕСНЬ О ПУРПУРНОЙ ДЕВЕ

В китайском оркестре земных и небесных фей продумана вся партитура до самых простых мелочей. У небесного дирижёра нет упущений и всё по-честному: раз есть на земле отхожее место, пусть даже грязно оно и пахнет дурно, а всё равно назначить нужно фею отхожего места и назвать её Девой Пурпурной.

А когда-то была она девушкой, и звали её Хэ Мэй, что значит «Как Привлекательна!», а второе имя Ли-цин, что значит «Чистое Счастье». Родом была из Шаньдуна, отец её был бедняк, но с детства она училась читать и писать, освоила стихосложение и каллиграфию, изучила канонов девятикнижие, и ритуал чтила. Это было в эпоху Тан в правление императрицы У Цзэ-Тянь.

И так уж случилось, что стала она наложницей ревизора из местности Шоу-ян по фамилии Ли и по имени Цзин. Но невзлюбила её старшая злая жена за то, что была красива, за то, что была умна, за это её убила, за это её утопила в отхожем месте. Это было в пятнадцатый день первой луны.

И стала она являться хозяину дома в уборной. Прогоняли, а не уходила, и это было позорно.

Девушку ту пожалел нефритовый император, он сделать её захотел феей бессмертной. Это, конечно, был

красивый и добрый жест, но только в оркестре небесном свободных не было мест. Не было их ни справа, не было их ни слева, осталось одно, да и то внизу. Так она стала Пурпурной Девой, феей отхожих мест. Об этом издаст указ императрица Цзэ-тянь.

По суевериям старым в ночь середины первой луны встречают духа Цзы-гу, что значит Пурпурная Дева. Дух этот мог предсказания делать, да так, что порою сбывались они. Вы спросите, как разговаривать с духом? А вот как. В плошку какую насыпят песку, а над ней на верёвочке вешают палочку для еды. Вопрос зададут, а палочка пишет ответ на песке.

Об этом напишет учёный китаец Шэнь Ко, беседуя с кистью в саду у ручья, приснившегося во сне. Ещё когда маленьким был, наблюдал, как дети соседские ради забавы духа того вызывали. И взрослые тоже старались, но дух не хотел приходить. А вот уже позже, в годы Цзяю, гостил он в доме Ван Луня, тайчан боши, друга отца своего. Так там этот дух иногда появлялся: до поясицы пригожая девушка, а ниже клубится туман. Называла себя она девой из внутренних покоев Верховного Императора, а то говорила другое, что изгнали её с Пэнляя.

Однажды дочь Вана спросила ее: — А могу я с тобой полетать на облаке? Дева согласно кивнула, и тут же во двор протянулось, как дерева ствол, белое облако. Дочь Вана карабкалась на него, но облако её удержать не могло. — На туфлях твоих слишком много мирской

пыли, — сказала дева, — сними их, тогда получится. Дочь Вана разулась и стала опять подниматься, и вот уж над крышей дома она, но снова свалилась. — Ты еще не можешь со мной полететь, — сказала тогда дева. — Может быть, позже когда-нибудь. Но позже дочь Вана вышла замуж, Цзы-гу приходит перестала, и семья, как говорится, лишилась источника предсказаний удачи и горя.

Вот ведь Шэн Ко не простой человек, он учёный, поэт, астроном, математик, ещё музыкант, дипломат, генерал и министр финансов. А туда же: я, говорит, записал лишь то, что видел своими глазами.

Говорят, что Цзы-гу прекрасно играла на чжэне, извлекая прелестные звуки, а кто слушал, те, как говорится, об усталости забывали. Умела она и лечить, и гадать, а в облавные шашки играть с ней рисковали одни только лучшие мастера страны. Писала она литературные произведения в высшей степени изящные, их теперь называют «Собрание бессмертной девы», так они в свете распространяются. Её каллиграфия очень была выразительна, но не схожа совсем с известными стилями, будь то лишу иль чжуань. Назывались они цзаоцзяньли, чжоцзиньли, а всего было десять названий.

Очень любили Цзы-гу придворные танские дамы, в беседах с ней поверяя сердечные тайны свои. Но и мужчины, учёные и литераторы, её не чурались. С ними в беседах она походила порой не на серьёзного духа бессмертного, а на какую-нибудь куртизанку-певичку, с

которыми, как известно, любили они проводить своё время, вином напиваясь, слагая стихи.

Не только Шэнь Ко, но также к примеру Су Ши, с которым они написали трактат о лечебных травах. Великий Су Ши, поэт, каллиграф и художник, чайный мастер и губернатор Ханчжоу, тоже общался с Пурпурной девой. Сначала он вроде высмеивал всякие там предрассудки, но позже всё же оставил для нас шесть записей о беседах с ней. Наверное, дева влюбилась в Су Ши, всё время его просила.

Дева приставала к Су Ши:
Напиши, да напиши
Семисловные сти-ши
Для моей несчастной души.

Отвечал ей учитель Су:
Не могу, да и не хосю.
Не такой уж я хороший поэт
А она: Что вы, что вы, нет, нет!
И приписка: я буду ждать!
А Су Ши ей пишет ответ:
Я не то чтобы плохой поэт,
А вот просто я не хочу
Стихи для тебя писать.

Ну, вот что тут можно сказать?
Пурпурную деву каждый обидеть может.

Ну, а в наше-то время в наших больших городах, в многоэтажных домах, в малолитражных квартирах где вы найдёте отхожее место, чтоб там поместилась Цыгу? Не живёт Пурпурная Дева среди ватерклозетов и унитазов фаянсовых. Разве что где-то в деревне глухой, куда не дошли дороги.

И у меня была деревня с названьем Липовка, у края леса, за рекой и без дорог. Я сам копал большую яму и возводил дощатый домик около забора под старой вишней. А почва в Липовке как раз сплошной песок. Мне кажется, стихи слагались там не просто так. В тот год в деревне у меня гостил художник неизвестный по имени Белугин Александр. Я небо рисовал и написал эссе о небе, художник рисовал отхожие места. На вернисаже липовском я видел много юных дев. Быть может, одна из них была Пурпуровой, но я не проверял.

Тот домик туалетный потом уж одряхлел и покосился. Строители из соседней деревни, что за рекой, избу мою подняли, крышу перекрыли, да заодно и яму вырыли, поставили над нею домик новый, красивый, без щелей. На этом всё и кончилось.

В небе над Липовкой кружится облако света. Вёсен и осеней дни улетевшие, где вы? где вы? Что мне до них, до посланий Пурпуровой Девы? На песчаной дороге зачахли смерчки ветра.